

אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

יבני אבי
הי שחאי

ЕВРЕЙСКИЙ ЛУК

СЕМАНТИКА ОДЕЖДЫ В КУЛЬТУРЕ

Материалы к лекции
Менахема Яглома и Александры Полян

Москва
октябрь 2012 г.
проект «Эшколот»
www.eshkolot.ru

Суть одежды согласно учению каббалы

Святой Ари (р. Ицхак Лурия Ашкенази)

Вот тайна: знай, что одеяния человека – от святости, а свершаемые им грехи приводят к тому, что облачается он в *клипот* («скорлупы», силы зла) и держатся *клипот* за его одеяния. Тайна одеяний – есть в них тайна света, окружающего снаружи, как известно, ибо есть внутренний свет – он внутри и заключен в теле, и одеяние, окружающее тело. Затем – «света окружающие», стоящие вне одеяний, и в каждом из одеяний заключена тайна иного «света окружающего». Ничто иное не в силах изгонять *клипот* так, как «окружающий свет», ибо не могут они питаться от него, поэтому он стоит снаружи и не боится того, что *клипот* напитаются от него.

(Хаим Виталь, *При эц Хаим*, Врата молитвы, гл. 2; Менахем Цемах, *Нагид у-мецаве*, ч. 1, Утренние благословения)

Бааль-Шем-Тов

Слышал я от своего учителя (Бааль-Шем-Това), что *гадлут* («величие») и *катнут* («умаление») в состоянии высших *сфирот* отображаются на всех предметах и явлениях материального мира, в том числе и на одежде человека.

Порой случается, что портной портит при пошиве одежду, и это огорчает заказчика. Так проявляется аспект *катнут*. Для исправления этого следует дать какой-то выкуп: например, подарить эту одежду бедняку, или дать пожертвование в размере ее стоимости. И я добавлю, что это связано с павшими искрами святости, которые относятся к душе человека и которые ему необходимо поднять.

Еда, одежда, домашняя утварь и вообще все, с чем человек имеет дело, нужно ему для того, чтобы поднять искры, связанные с его душой. Порой это проявляется в том, что он терпит убытки, потому что пока еще не исправил искры святости, а порой к нему приходит прибыль и тогда его радость поднимает эти искры, как пишет о том святой Ари, благословенна память праведника. В этом – сокровенный смысл сказанного: «На всех твоих путях познавай Его» (*Мишлей*, 3:6). Человек должен выбирать и возвышать *маин нуквин* («женские воды», то есть искры святости, связанные с его душой). Эти искры – частицы *Шхины*, находящиеся в нижнем мире, и возвышая их, человек возвращает их к Источнику. Этим он помогает единению Святого, благословен Он, со *Шхиной*, на которое намекает стих: «И Адам познал Хаву, жену свою» (*Берешит*, 4:1), а также стих: «Знай Бога, отца твоего, и служи ему» (*Диврей га-ямим* 1, 28:9). Все это тесно связано с упоминаемыми в Торе (*Ваикра*, 13:47–59) язвами проказы, которые появляются на одежде. Эти язвы возникают от порчи, которую создают грехи человека в высших мирах, а исправление порчи в том, что человек смывает со своей одежды язвы проказы и раскаивается, и тогда *коген*, осмотрев одежду, признает ее чистой.

(Яков-Йосеф из Полоного, *Тольдот Яков-Йосеф*, гл. *Тазриа*).

Исроэл Аксенфельд

Стихотворный пролог к роману «Косынка» (לשטערן־טיכל)

Называется наше произведенье
В честь еврейского женского украшения.

Его звать «штерн-тихл» всяк в Польше привык,
А в других местах говорят «штерн-биндл», «копбинде» и «биндалик».

Сейчас эту странную вещь надевать не с руки –
И еврейки носят, как все дамы, парики.

Лишь когда говорят, как когда-то жили, бывало, –
Могут вспомнить, что слово «штерн-тихл» означало.

Может, и штраймл и сподек, как память давно минувших дней,
Стоило бы заспиртовать и отправить в музей.

Я писал о дворе ребе в Хонеке – только план не удался:
Как цадином этот ребе был – так по сей день и остался.

Двор цадика – кажется, причем здесь украшение?
Погодите, найдется и этому объясненье!

Если сочинитель это выдумал своей головою –
Тем интереснее, как он это все устроил.

Только когда историю целиком прочитаешь –
Ты, что здесь выдумки нет, признаешь.

«Штраймл»

И.Л. Перец

По ремеслу я – шапочник, но специальность моя – штрафмл. Главный же мой заработок – от мужичьих сермяг и рабочих полушубков. Иной раз ко мне заглядывает и Лейб-мельник со своей енотовой шубой.

Правда, шить штрафмл случается редко, очень редко. Ибо кто носит теперь штрафмл? Раввин разве. И штрафмл всегда переживает раввина...

Правда и то, что если и случается шить штрафмл, то или совсем даром, или за полцены. В лучшем случае, труд мой не оплачивается. Все это верно, и тем не менее специальность моя – штрафмл, ибо шить штрафмл я люблю.

Только когда она попадает мне в руки, я молодею – я чувствую, кто я такой, на что я способен!..

«Дитя своего народа»

Шолом Аш

<...>

На небольшой кушетке, стоявшей у окна, сидела девушка лет восемнадцати. Лицо было закрыто обеими руками, а руки прятались в распущенных густых черных волосах. Она, видимо, плакала, грудь ее тяжело вздымалась. На кровати лежали три платья: белое шелковое подвенечное, черное шелковое «для синагоги» и черное шерстяное утреннее. Их только что принес портной.

У дверей стояла женщина в черной косынке и держала коробки с париками.

– Ханеле! Ты хочешь меня опозорить? Чтобы весь свет судачил обо мне? – проговорил отец.

Невеста не отвечала.

– Что ты на меня уставилась? Почему Гнендл, дочери Фрейндл, пристало носить парик, а дочери Мойши Гройса не пристало?

– А ведь у той, пожалуй, больше причин капризничать, она учнее тебя и приданого за ней больше, – помогла мать.

Невеста молчала по-прежнему.

– Дочка! Подумай, сколько денег и крови нам стоило, покуда Бог помог дожждаться радости, а теперь ты хочешь омрачить нам торжество? Побойся Бога, что же творится с тобой? Ведь нас анафеме предадут! Жених пешком домой ударет...

– Хватит дурачиться! – сказала мать, взяв у женщины, стоявшей возле двери, один из лежавших в коробках париков, и подошла к дочери.

– Дай я примерю тебе парик, волосы на нем одного цвета с твоими.

И надела на голову дочери парик.

Восемнадцатилетняя девушка почувствовала тяжесть на голове. Она нащупала рукой свои волосы и ощутила рядом со своими, мягкими, прохладными, живыми – чужие волосы, мертвые, холодные как лед. Настойчиво долбила одна мысль: кто знает, где теперь голова, которой принадлежали вот эти чужие волосы?.. Страшное отвращение охватило девушку, и, как если бы ее коснулось нечто грязное, она сорвала с головы парик, бросила его на пол и стремительно выбежала из комнаты.

Отец и мать молча переглянулись...

Наутро после венца свекровь встала пораньше, вооружилась большими ножницами, и, взяв парик и шляпку, которые она из своего города привезла в подарок невесте, направилась к ней, чтобы нарядить ее к завтраку.

СЕМАНТИКА ОДЕЖДЫ В КУЛЬТУРЕ

Однако в комнату свекровь не попала: невеста заперлась и никого к себе не пускала.

Свекровь побежала к мужу, но тот, лежа среди доброй дюжины дядек и зятьев, спал как убитый со вчерашнего вечера. Пошла к жениху, восемнадцатилетнему пареньку, – материнское молоко на губах не обсохло, – а он в шелковом кафтане и в ермолке бродил по дому как неприкаянный, понутив голову, и стыдился людям в глаза смотреть. Наконец свекровь отыскала мать невесты, и они вдвоем направились в комнату молодой. Сорвали крючок и заглянули в комнату.

– Зачем ты заперлась, доченька? Тебе нечего стесняться.

– Дело житейское, – сказала свекровь и расцеловалась с тещей.

Ханеле не отвечала.

– Свекровь привезла тебе парик и шляпу – в синагогу ходить.

Из соседней комнаты уже доносится музыка – музыканты играют «добрыдень».

– Ну, невестушка, гости уже начинают собираться.

Свекровь принимается расплетать косы молодой. Ханеле не дается и падает к матери на грудь:

– Не могу я, мамочка! Сердце не позволяет, родная моя!

– О Боге вспомни, дочь моя! – упрашивает мать.

– В огненных реках на том свете варят за это, раскаленными щипцами выдирают патлы распутниц, носящих свои волосы после свадьбы!

Холод пронизал молодую девушку до мозга костей.

– Мама, родная, мамочка! – не переставая, упрашивала она.

Ханеле взяла в руку прядь волос. Черной шелковой волной струились они между пальцев. Снова и снова приходила в голову мысль, что вот эти волосы, которые вместе с ней росли, вместе с ней жили, сейчас обрежут, и никогда, никогда больше у нее своих волос не будет... Она обречена носить чужие волосы, которые росли на чужой голове... И кто знает, жива ли бывшая обладательница этих волос или давным-давно уже гниет в могиле... Еще, чего доброго, явится ночью и станет требовать замогильным голосом: «Отдай мои волосы! Отдай!..»

Ханеле вздрогнула. Она услышала, как над ее головой щелкнули ножницы... Девушка рванулась из рук матери, выхватила ножницы у свекрови, швырнула их на пол, и закричала не своим голосом:

– Волосы мои! Пусть сам Бог меня накажет!

Ничего больше нельзя было поделывать. Свекровь в тот же день собрала вещи и увезла к себе домой пряники и гусей, приготовленных ею к свадебному завтраку для «своих». Хотела забрать и жениха, но мать невесты заявила:

ЕВРЕЙСКИЙ ЛУК

– Нет уж, извините! Вам он больше не принадлежит!

А в субботу дочь Мойши Гройса вели в синагогу открыто, на виду у всех, без парика, в широкополой шляпке. И проклятия, которые ее провожали на пути, пусть сгинут в мертвых пустынях, где нога человеческая не ступала.

Однажды поздним вечером, спустя несколько недель после свадьбы, молодой муж вернулся из молельни домой и прошел в свою комнату. Жена уже спала. Неяркий свет маленькой лампочки падал на нее и освещал бледное лицо, как будто купавшееся в черных волнах шелковых волос. Белые красивые руки охватывали голову, словно Ханеле боялась, что кто-то ночью обрежет ее косы.

Муж пришел домой раздраженный и злой: вот уже четыре недели прошло после свадьбы, а его еще ни разу не вызвали к свиткам торы. Это хасиды мстят ему, а сегодня Хаим-Мойша обругал его при всем честном народе и пристыдил за то, что «она» носит свои волосы.

– Ты – глиняный истукан! – говорил он, – что значит «жена не хочет»? В Писании ясно сказано: «Он да властвует над ней...»

Муж пришел домой с намерением тут же подойти к ней, сказать: «Жена, это закон! Хочешь носить свои волосы, тогда я должен развестись с тобой, собрать свои вещи и уехать к себе домой». Но, увидев жену спящей, взглянув на ее бледное лицо и копну черных волос, он проникся жалостью, подошел к кровати, долго смотрел на молодую женщину и наконец несколько раз тихо окликнул:

– Ханеле!.. Ханеле!..Ханеле...

Она вдруг испуганно открыла глаза, удивленно посмотрела кругом и спросила:

– Это ты, Носон, меня зовешь? Что тебе?

– Ничего... Повойник у тебя упал, – сказал он, поднимая белую ночную косынку, упавшую с головы.

Она накинула ее и хотела отвернуться к стене.

– Ханеле, Ханеле! Мне с тобой поговорить надо.

У Ханеле екнуло сердце. За все время со дня свадьбы он почти не говорил с ней. По целым дням она его не видела.

Он то сидел в синагоге, то в раввинской молельне за фолиантами. Когда приходил домой обедать, молча садился за стол. Когда ему что-нибудь нужно было, он говорил, ни к кому не обращаясь. А если иной раз и обращался к ней, то не поднимая глаз, словно боялся смотреть прямо в лицо. На этот раз он впервые, оставшись с женой наедине, говорил прямо и так мягко, ласково.

– Что ты хотел сказать мне? – тихо спросила она.

СЕМАНТИКА ОДЕЖДЫ В КУЛЬТУРЕ

– Ханеле, – начал он, – я прошу тебя, не ставь меня в такое глупое положение перед людьми. Ведь мы же с тобою – чета, суженая Богом, ты мне жена, я тебе муж... Подумай, прилично ли это выглядит, – замужня женщина – и носит свои волосы!

Ханеле еще не совсем очнулась от сна, сковавшего ее мысль и волю Она чувствовала себя расслабленной, и усталая ее голова упала к нему на грудь.

– Дитя мое! – сказал он еще нежнее. – Я знаю, ты вовсе не так строптива, как о тебе говорят. Ты чиста душой. Господь Бог поможет, будут у нас послушные, благонравные дети... Брось эти глупости! Зачем тебе, чтобы весь свет перемывал твои косточки? Ведь мы уже муж и жена, твой позор – это и мой позор...

Ей казалось, что кто-то очень далекий и в тоже время очень близкий говорит с ней. Никто до сих пор так с ней не говорил. А он ведь ее муж, единственный человек, с которым она будет жить так долго, так долго... и детей иметь... и хозяйство вести...

Она прислонила к нему голову.

– Я знаю, что тебе жаль твоих волос, девичьей твоей красоты. Я знаю, что Бог наградил тебя красотой и добрым сердцем... Я это хорошо знаю, и мне самому как ножом по сердцу то, что тебе нужно волосы отрезать. Но что подделаешь? Закон прямо так и предписывает. Ведь мы можем, упаси Бог, провиниться как раз перед рождением ребенка...

Она молчала. Она все так же сидела, припав к нему, и лицо его оевала ароматная прохлада ее шелковых волос...

В волосах жила душа, он это чувствовал... Он долго и проникновенно смотрел на жену, и в глазах у него светилась мольба, мольба за ее счастье, за их обоюдное счастье.

– Можно мне? – спросил он больше глазами, чем на словах.

Она ничего не ответила и только уронила голову к нему на колени.

Он торопливо достал ножницы из ящика.

Ханеле лежала у него на коленях, отдав голову как выкуп за счастье их обоих... Глаза ее были полускрыты, она о чем-то мечтала... А ножницы повизгивали над ее головой, срезая прядь за прядью.

Проснувшись утром, она взглянула в зеркало, висевшее напротив кровати. Ее охватил ужас, ей казалось, что она сошла с ума и лежит в больнице... На столике, рядом с кроватью, лежали безжизненные косы. Душа, что жила в этих косах, когда они росли на голове, теперь отлетела, и волосы напоминали о смерти...

Ханеле закрыла лицо обеими руками, и рыдания огласили небольшую комнату...

ДЛЯ ЗАМЕТОК

אשכולות
КУЛЬТУРНО-РАЗВИВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

